

ПРИЛОЖЕНИЕ №2

Вяч. Иванов
ОСЕННИЕ МЫСЛИ
(фрагмент)*

<...> В романском стиле средневековых церквей есть что-то родное осени. Недаром явился он на смену роскошно летнему римскому, сменившему в свою очередь греческий — осенний. Крутые тяжелые арки еще образуют длинные порталы, их подпирают круглые колонны на базах с капителями, сохранившимися летнюю, хотя уже изменившуюся листву. А выше — как оголяются высокие деревья, леса, тогда как низ их еще закрыт листвою кустарников, — поднимаются острые оконечности, строго-угловатые кровли со шпильми и крестами, и высоко-высоко поднимается ровная и тонкая четырехугольная башня в остроугольной шапке, простая и строгая, с бесконечно высокими полукруглыми нишами, образующими одну складку от вершины до основания и снабженными узкими оконцами.

Башня нашей церкви мне напоминает постыгающегося и угрюмого монаха, вечно занятого блещением и молитвой.

И если осень обращает человека от мира внешнего к внутреннему, как близок осени стиль этих церквей! Суровые и неприступные снаружи, они только внутри показывают доверившемуся и вступающему все свое фантастическое богатство. Крутые своды покрыты многочисленными изображениями, выступающими причудливыми тенями на золотом своем поле. Разноцветные розетки блестят как фантастические пестрые светила. Пестрая и причудливая утварь — алтари, статуи, аналои, решетки, канделябры, цепи, там и сям мерцающая тихо лампады — наполняют многочисленные ниши и переходы. Чтобы создать этот стиль, нужно было иметь переходное состояние духа той эпохи, когда образы Аполлона и Венеры становились в воображении похожими на фавнов и сатиров, а фавны и сатиры на христианских чертей, причем, Аполлон, Венеры с фавнами не утрачивали однако своего отдельного существования; когда из мрака римских катакомб распространялись многочисленные символы; когда воцарялся христианский мистицизм со своими пестрыми легендами, говорящими о посте и покаянии. Таков, какова романская церковь, должен был быть монах того времени, с виду такой сухой аскет, внутренне занятый непрерывной работой воображения, отягченного фантастическими образами.

* ОР ГБЛ, ф. 109, карт. 1, ед. хр. 33, л. 20–23 (фрагмент датирован на полях рукописи 14.X.1887 г.).

Но это долгое созерцание привело его к экстазу, и экстаз этот был велик, как элементы брожения, его породившего. Это было вдохновение гения. Он, монах-аскет, вдруг почувал восторг. Земные предметы скрылись от него. Причудливые арабески изгороди, которую мир создал пред ним, чтобы заградить божественный свет, пали сами собою. И вот он увидел этот свет, который струился, переливаясь из цвета в цвет, от престола Божия. И он простер руки, простерся весь по направлению к этому свету, к небу и созвал братьев и учеников, и они простерлись все вместе, подняв руки к небу.

Так вкусили они великую гармонию, и душа их была привлечена Богом, и поднялись вместе, у всех наверх <nrзб.> неземная сладость, и тела превратились в камни — во Славу Божию.

Так возник готический храм.

